

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

ЛЕНИН И ИСКУССТВО

У ЛЕНИНА было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заниматься искусством, и он всегда сознавал себя в этом отношении профаном, и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определены. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи и т. д.

Еще в 1905 году во время первой революции ему пришлось раз ночевать в квартире товарища Д. И. Лещенко, где, между прочим, была целая коллекция князевских изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для коммуниста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заниматься искусством». Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко...

Еще в 18-ом году Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство, как агитационное средство. При этом он изложил два проекта. Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил.

Во всей полноте этот проект был подхвачен т. Брехневым, когда он был заведующим Гомельским ОНО. Гомель я нашел буквально испещренным такими надписями, не плохими по мысли. Даже все зеркало в каком-то большом ресторане, превращенном в просветучреждение, т. Брехнев расписал изречениями.

В Москве и Петрограде это не привилось. Не только в столь преувеличенной форме, но даже в форме, соответствовавшей мысли Ильича.

Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе, памятников временных из гипса, как в Петербурге, так и в Москве. Оба города живо откликнулись на мое предложение осуществить идею Ильича, причем предполагалось, что каждый памятник будет торжественно открываться речью о данном революционере и что под ним будут сделаны развешивающиеся надписи. Владимир Ильич называл это «монументальной пропагандой»...

Владимиру Ильичу редко в течение последнего периода его жизни удавалось насладиться искусством. Он несколько раз бывал в театре, кажется, исключительно в Художественном, который очень высоко ставил. Спектакли в этом театре неизменно производили на него отличное впечатление.

Владимир Ильич сильно любил музыку, но расстраивался ею. Одно время у меня в квартире устраивались хорошие концерты. Пел иногда Шаляпин, играли Мейчик, Романовский, квартет Страдивариуса, Кусевский на контрабасе и

т. д. Я много раз звал Владимира Ильича, но он всегда был занят. Один раз прямо мне сказал: «Конечно, очень приятно слушать музыку, но, представьте, она меня расстраивает. Я ее как-то тяжело переношу». Помнится, т. Цюрупа, которому два раза удавалось залучить Владимира Ильича на домашний концерт того же пианиста Романовского, говорил мне также, что Владимир Ильич очень наслаждался музыкой, но был, по-видимому, взволнован.

Прибавлю к этому, что Владимир Ильич очень нервно относился к Большому театру. Мне несколько раз приходилось указывать ему, что Большой театр стоит нам сравнительно дешево, но все же, по его настоянию, ссуда ему была сокращена. Руководился Владимир Ильич двумя соображениями. Одно из них он сразу назвал: «Неловко, — говорил он, — содержать за большие деньги такой роскошный театр, когда у нас не хватает средств на содержание самых простых школ в

В тот летний день двадцатого года концерт Шаляпина начинался в шесть часов. Он был организован для московских рабочих, общественных и партийных организаций столицы.

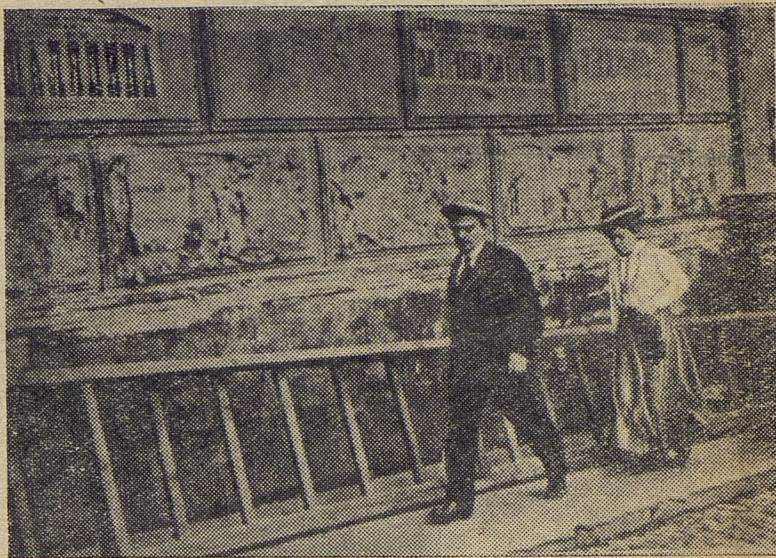
В толпе, струившейся между колоннами Большого театра, было очень много степенных, уже в летах, людей. Они шагали с Крестьянской заставы, Симоновки, Тюфелевой рощи...

Шли пешком по пятнадцати верст в один конец, чтобы побывать в театре. Самым ревностным посетителем театра тех трудных, голодных, героических лет был пролетариат московских окраин.

Партер и роскошные ложи Большого заполняли люди, хорошо знакомые между собой по партийной работе в районах Москвы, по труду на фабриках, заводах, железнодорожных мастерских... Здесь встречались бывшие подпольщики, эмигранты, участники боев 1905 и 1917 годов.

Партер уже чернел от голов. Шесть часов. Вот-вот начнется концерт. Но тишина не наступала. Гул все нарастал. Вдруг в разных концах многоярусного зала взметнулись какие-то выкрики. А люди в ложах, наклоняясь друг к другу, что-то спрашивали и глазами искали кого-то внизу, за барьерами лож.

Кто-то сказал: «Ленин в театре!»

На снимке: В. И. Ленин и М. И. Ульянова направляются в Большой театр на заседание 5-го Всероссийского съезда Советов. Москва, июль, 1918 г.

деревне». Другое соображение было выдвинуто, когда я на одном из заседаний оспаривал его нападения на Большой театр. Я указывал на несомненное культурное значение его. Тогда Владимир Ильич лукаво прищурил глаза и сказал: «А все-таки это кусок чисто помещичьей культуры, и против этого никто спорить не сможет».

Из этого не следует, что Владимир Ильич к культуре прошлого был вообще враждебен. Специфически помещичьи казались ему весь придворно-помпезный тон оперы. Вообще же искусство прошлого, в особенности русский реализм (в том числе и передвижников, например), Владимир Ильич высоко ценил.

Вот те фактические данные, которые я могу привести из моих воспоминаний об Ильиче. Повторяю, из своих эстетических симпатий и антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей...

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.
(Собрание сочинений, т. 7, «Художественная литература», М. 1967 г.).

ОДНАЖДЫ НА КОНЦЕРТЕ ШАЛЯПИНА

на ходу, разошлись, в театре кричали:

— Ле-е-е-нин!

— Ле-е-е-нин!

Выкрики множились, росли. Все новые голоса вступали в невероятный хор приветствий. По всему залу, этой гигантской коробке с вызолоченными ярусами и пурпурными барьерами, гремело:

— Ле-е-е-нин! Ле-е-е-нин!

А Ленин не оглядывался по сторонам. Он все больше вбирал голову в плечи и что-то настойчиво говорил Бельскому.

Занавес между тем застыл, открыв пустую сцену, ровно освещенную невидимыми лампами. В проходе между левыми кулисами, где стоял рояль, я увидела высокую черную фигуру с ослепляющей белой грудью и белым лицом.

На сцену выходил Шаляпин.

Вот он миновал последнюю кулису, вот занес ногу, чтобы сделать еще один, последний шаг, который выведет его на сцену. И вдруг отступил, стремительно подался назад, словно его отбросило ударом. Это звуковая волна: «Ле-е-е-ни-и-ин!» — достигла певца.

И в тот же миг четвертое кресло в шестом ряду партера оказалось пустым. Бельский покинул свое место. Ленин тоже встал и, наклонив голову, подняв плечи, пошел вслед за Бельским.

Они шли по проходу, разделявшему партер, но не назад к выходу из зала, а вперед. Теперь их фигуры были освещены светом, падавшим со сцены. Ряды партера, мимо которых они проходили, поднимались, дыбились. По залу катился шквал оваций. Он низвергался и сверху, с необъятных ярусов. Два человека — Ленин позади, его спутник впереди — стремительно уходили от этого шквала вперед к сцене.

Вот оба подошли к барьеру, вот повернули направо и пошли вдоль первого ряда. Сидящим в правых ложах стал виден ленинский профиль, затем все лицо. Ленин шел, опустив свою большую светлую голову, стремительный, весь, плечами и грудью, подавшись вперед, словно от ветра или вихря, дувшего в спину.

Но то был не ветер, не вихрь, а ураган, подлинный ураган приветствий, аплодисментов, криков, оваций, восторга, любви...

Этот ураган чувств колыхал и раскачивал две с лишним тысячи людей.

Между тем Бельский достиг дверцы, ведущей в оркестр, открыл ее, пропустил Ленина и спустился вслед за ним по маленькой лесенке. Ленин прошел между пустыми люпитрами. Последний раз мелькнул его затылок, и Ленин исчез.

— Ушел! Перешел на другое место. Укрылся от оваций. Наверное, в ложу... — говорили все.

Шквал: «Ле-е-е-ни-и-ин!» — бушевавший с такой силой, стал стихать, по мере того как Ленин уходил. Вот замерла последняя волна.

На сцене появился Шаляпин. Он пел для народа, свершившего революцию. Пел все лучшее. Пел самое любимое.

Под конец пел Шаляпин «Улицу». В соседней ложе пожилой рабочий с длинными рожами седых усов, слушая эту надрывную песню про улицу широкую да жизнь одинокую, вдруг зарыдал...

Концерт окончился. Но народ не расходился. Шаляпина со сцены не отпускали.

— «Дубинушку!» — раздалось в одном конце зала, и тотчас, словно подан был сигнал, понеслось отовсюду: «Дубинушку!» Просим «Дубинушку!»

— Товарищ Шаляпин! — неожиданно взлетел к ярусам высокий женский голос. — Женщина-пролетарка требует «Дубинушку!» Театр захохотал, закричал, захлопал:

— Даешь «Дубинушку!» Федор, даешь!

Шаляпин вышел на авансцену. И когда все стихло, певец обратился к залу:

— Ну что ж, спою. Но, — он поднял красивую, длинную белую руку, далеко высунувшуюся из крахмальной манжеты, — выговариваю условие: я буду петь, а вы мне подтягивайте. Чтобы весь зал...

— Шаляпин вывернул руку ладонью вверх, слегка согнул длинные пальцы, чуть собрал их вместе и повел руку к груди, словно стянул к себе голоса двух тысяч человек. Так ямщик натягивает в руке вожжи.

— Подтянем! Согласны! — хором отвечал театр. — Подтянем! Ухнем!

Шаляпин чуть отступил, словно для разбега, для броска вперед, запрокинул отчаянно-удало свою красивую голову, прикрыл глаза и затянул песню — широкую, мощную, буйную.

А народ в театре встал от партера до самых верхних ярусов и стоя подтягивал певцу:

Эй, дубинушка, ухнем!

Эй, зеленая, сама пойдет!

Шаляпин вытянул последнюю ноту тончайшей нитью, такой тонкой, такой высокой, что, казалось, она не кончилась, не оборвалась, а истаяла в воздухе.

* * *

А на следующее утро в редакции «Правды», где я работала, я рассказала секретарю редакции Марии Ильиничне, младшей сестре Ильича, что произошло на концерте, как Владимир Ильич спрятался куда-то от оваций...

— Никуда он не спрятался! — перебила меня Мария Ильинична и мрачно добавила: — Он ушел, совсем ушел. Так Шаляпина и не слушал.

— Зачем же было уходить! Ведь Владимир Ильич так любит музыку!

— Вот именно! Владимир Ильич так любит музыку! Ему так редко удается послушать музыку! — с горечью выговаривала Мария Ильинична. — Ведь так трудно было ему выбраться на этот концерт! Чего это ему стоило! Даже одно заседание отложил на три часа. И сам указал место, где хочет сидеть. Сам... — Мария Ильинична не закончила фразу, махнула рукой. — Не дали послушать...

И вдруг, когда мы уже углубились в работу, она вспыхнула:

— Ильич вернулся домой взбешенный: «Наша публика, — сказал он, — совершенно не умеет вести себя в концерте. Идут слушать Шаляпина, а устраивают овации Ленину! Какое неуважение к артисту! Луначарскому надо заняться воспитанием публики. Это тем более все недопустимо, что на концерте были наши товарищи, партийцы, сознательные рабочие».

С. ВИНОГРАДСКАЯ.

(«Театральная жизнь», 1960, № 7).